

Ань И нашел Хунъяо в другом дворце и швырнул ей стопку материалов:

— Изучи это как следует и сделай всё в лучшем виде, не разочаруй Цинцин.

Хунъяо молча кивнула. Разве могла она разочаровать Цинцин? Всё, чего желала Цинцин, она была готова преподнести ей на собственных ладонях. Чего у неё не было? Да просто отобрать у кого-нибудь и отдать Цинцин! Ради Цинцин её не волновали никакие вопросы морали — всё это вообще не бралось в расчет.

Увидев, насколько Хунъяо сговорчива, Ань И удовлетворенно кивнул, а затем без малейших колебаний развернулся и ушел, оставив её разбираться во всём самостоятельно. Ему нужно было спешить к Цинцин, у него не было времени задерживаться здесь и вести пустые разговоры.

Дворец Цяньцин:

Когда Ань И вернулся, Цинцин лежала в кресле и спокойно читала роман. Девичьи волосы свободно рассыпались по плечам, черные и блестящие, словно драгоценный черный шелк, они оттеняли кожу, белую и чистую, как лунный свет. В глубине её глаз читалось ленивое, непринужденное выражение. Кожа, словно сотворенная из снега и льда, лицо, выточенное из белого нефрита, — прекрасная и изящная, она походила на сошедшую с небес богиню из романа. Пожалуй, лишь слог из Оды о богине Ло мог бы описать её неповторимое очарование.

— Цинцин, я вернулся.

— Мм.

Цинцин даже не подняла головы, лишь лениво угукнула в ответ. Ань И ничуть не расстроился и послушно принялся за проверку докладов.

В комнате тихо поднимался дымок из курильницы, наполняя воздух легким ароматом сандала. Цинцин спокойно читала книгу, Ань И усердно проверял бумаги. На какое-то время в покоях воцарилась абсолютная тишина, но в ней не было ни капли неловкости — напротив, ощущалось умиротворение и гармония уходящих лет.

Прошло неизвестно сколько времени. Яркая луна медленно поднялась в небо, разливая повсюду сияние, и огни бесчисленных домов отразились в шумной и процветающей Столице.

— Цинцин, пора ужинать, я велю всё накрыть.

Раньше подавать еду Цинцин доводилось в основном Ань И, но нынче времена изменились: пожаловал незваный гость — Сы Тинмо.

— Цинцин, пора кушать! Я велел поварам приготовить это специально под твой вкус, отведай.

Сы Тинмо был закутан в красный плащ. На его лице не осталось и следа дневной растерянности — он вновь обрел привычную мягкость и уверенность человека, контролирующего абсолютно всё. Позади него следовал Ань И, несший в руках ларец с едой. Если спросить, почему никто не посмел преградить ему путь во Дворец Цяньцин, ответ прост: вся стража Дворца Цяньцин изнутри и снаружи состояла в основном из людей Сы Тинмо. Преградить ему путь? Какая глупость! К тому же днем Цинцин уже издала указ, оглашенный по всем шести дворцам, о том, что Сы Тинмо назначается императрицей, так что помешать ему было тем более невозможно.

Ань И мысленно выругался: ишь как быстро восстановился! Тьфу, так бы и испортить полосками это его личико, поглядел бы я тогда, как он красуется. Хм!

Цинцин оставалась глуха к царившему между ними скрытому противостоянию и бушующим страстям. Она видела слишком много подобных сцен — они казались ей слишком скучными и не могли вызвать ни малейшей ряби в глубине её души.

Ань И, обладавший немалой сообразительностью, аккуратно расставил еду из ларца на резном деревянном столе. После этого он послушно отошел в сторону, но проявил хитрость и встал прямо за спиной у Цинцин, воспользовавшись моментом, пока Сы Тинмо и Ань И были заняты друг другом.

Когда Ань И и Сы Тинмо сообразили, в чем дело, лица у обоих сделались не самыми приятными. Недооценили мерзавца, цц.

Нарезанный тонкими ломтиками свежий карась, ароматный суп из водяного сельдерея со склонов зеленых ручьев, несравненное густое вино из Шу и отборная речная рыба.

Сначала отведаешь риса в Тангане, а после сваришь — не хуже чашечки ароматного дуррмана. Белые, словно семена кувшинки и чистые как нефрит, скользят по ложке, наполняя ароматом весь дом.

Лук-порей из Синьцинзя — лучший во всем мире, цветом подобен гусиному желтку, длиной больше трех футов, а свинина у Восточных ворот и вовсе дивное чудо, по жирности и нежности не уступающая барашку варваров.

Каждое блюдо выглядело великолепно. Цинцин взяла серебряные палочки, отправила в рот кусочек тофу — вкус оказался очень свежим, и Цинцин чуть заметно кивнула.

Это придало Сы Тинмо колоссальное воодушевление. Он бросил на Ань И взгляд победителя. Ань И скрипел зубами: подумаешь, не сам же приготовил, чего нос задирает? Вот научится сам — посмотрит он, как этот выскочка будет хвастаться! Тц!

— Ну же, Цинцин, попробуй это, я сварил его специально для тебя.

На столе стоял изысканный фарфоровый сервиз: на белоснежных, подобных нефриту пиалах и блюдах был вырезан тончайший узор. В пиале дымилась каша, испускающая легкий рисовый аромат. Кашу украшали несколько ягод унаби и плодов логана, символизирующих удачу и благополучие. На соседней тарелочке лежали искусно приготовленные легкие закуски — разноцветные и невероятно ароматные.

Сы Тинмо поднял пиалу из белого нефрита и преподнес её Цинцин, словно редчайшее сокровище. Нос Цинцин уловил легкий аромат риса, её взгляд скользнул по сторонам, и она привычно приняла пиалу.

Не то чтобы он не хотел покормить Цинцин лично, просто сидевший рядом Ань И сверлил его взглядом, точно голодный волк, готовый броситься в любую секунду, стоило Сы Тинмо сделать какое-нибудь лишнее движение.

Делать было нечего, Сы Тинмо пришлось отступить.

Цинцин протянула изящную, словно у нефритовой куклы, руку и медленно помешала ложечкой кашу в нефритовой пиале. Её руки, безупречно белые и гладкие, казались выточенными из нефрита, а тонкие, изящные пальцы напоминали листья ивы — легкие и нежные. На тыльной стороне ладони едва заметно проступали вены, похожие на тихие весенние ручейки, текущие по горным скалам. На фоне белоснежного фарфора казалось невозможным разобрать, что же белее — её кожа или чаша.

Цинцин отведала ложечку — сладко, но не приторно, и впрямь очень вкусно. Но Цинцин никогда не поддавалась чреугодию: сколь бы хорошим ни было блюдо, сделав всего пару глотков, она отложила ложку.

— Мм.

Всего один этот звук заставил Сы Тинмо сиять от счастья — пожалуй, даже сильнее, чем секунду назад, ровно в миллион раз. Почему? Да потому что эту кашу он приготовил своими руками, в отличие от всего остального! Для него похвала Цинцин в адрес каши означала похвалу в его собственный адрес!

— Цинцин, я тоже умею готовить! Завтра я приготовлю тебе что-нибудь очень вкусное, ладно?
— Ань И протянул руку, ухватил край одежды Цинцин и капризно потянул, его голос звучал сладко и приторно, а в глазах плескалась сплошная нежность.

Сы Тинмо был готов собственноручно отрубить ту руку, что посмела коснуться одежды Цинцин. Но как бы сильно он ни злился, распускать руки было нельзя — по крайней мере, на людях нельзя давать Цинцин повод подумать, будто он ревнивец. Он — императрица, он должен быть великодушным и добродетельным, а Ань И в его глазах был не более чем

распутной наложницей, целыми днями соблазняющей Цинцин. Ну и что с того? Пока он, главная супруга, жив, все прочие останутся лишь наложницами!

— Хватит баловаться, я устала. Ступайте оба куда шли, мне нужно отдохнуть.

Ань И, всё это время прикидывавшийся элементом декора, вдруг выступил вперед и вкрадчиво предложил:

— Позвольте мне помочь вам переодеться.

Во взгляде Ань И читалось открытое искушение. Он бесхитростно, но настойчиво соблазнял её. Цинцин же оставалась подобна сияющей в вышине луне, чистейшему лотосу перед буддийским алтарем или небожительнице — незапятнанной и абсолютно безучастной.

Услышав это, лица Сы Тинмо и Ань И почернели. Беда подкралась откуда не ждали — они-то даже не смели заикнуться о подобном, с какой стати Ань И возомнил о себе невесть что? Совсем от рук отбился!

С тех пор как Ань И встретил Цинцин, этот клинок обрел собственную волю и перестал подчиняться Сы Тинмо.

— Лучше я, в конце концов, Цинцин уже привыкла к моим услугам, — с улыбкой произнес Ань И, хотя буря в глубине его глаз уже едва сдерживалась.

— Ты? Ха! Я — императрица, у меня есть законное право служить Цинцин. А ты? Кто ты такой? — Сы Тинмо шагнул вперед, преграждая Ань И путь, а его насмешливый взгляд так и норовил выплеснуться через край. Настоящая законная супруга здесь, а он-то кто такой?

Слушая их непрекращающуюся грызню, Цинцин раздраженно нахмурилась. С каких это пор даже Ань И стал вызывать у неё такую усталость и досаду? Раньше Ань И всегда знал свое место и вел себя безупречно, так что же изменилось теперь?

Что изменилось? Всё очень просто: аппетиты алчности бездонны, а за ними следуют жадность и зависть.

<http://bllate.org/book/21565/2220396>